ГУЛУЕВА С. И.
(*Харківський нац. тех. ун-т сільського господарства ім. П.Василенка*)

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ ФАЦЕТИИ: ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДИ РОДСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Цель данной работы проследить истоки фацетии и родственность текста фацетии с текстами, схожими по жанру такими как: шванки, басни, фаблио, анекдоты, загадки и др..

Как ***объект*** мы рассматриваем немецкоязычную фацетию и родственные тексты: шванки, басни, загадки, фаблио, анекдоты и др..

Предметом исследования являются общие литературные истоки фацетии и родственных жанров.

В немецких книгах о смешных сторонах жизни, о шутах шванки составляли основную часть. Шванк - это повествовательное произведение малого (15 - 110 строк) объема, написанное, как правило, «ломаным книттельферзом», т.е. четырехстопным ямбом с парной рифмой, и организованное вокруг одного события, комического, но вполне обычного, ординарного, о котором рассказывается с бытовыми подробностями и подчеркнутым натурализмом [Реутин М. Ю. 1996].

Немецкий, австро-германский шванк восходит к низовой полу-языческой ритуально-фольклорной традиции, соотносимой с древнегреческой культурой Сельских и Городских Дионисий, в рамках которой творил в частности Аристофан; - основу обеих составляли теллургические, т.е. сельскохозяйственные, культы. Шванк находился в достаточно тесных связях с типологически сходными, но историческими разновременными формами французского фаблио кон. XII-сер. XIV в., итальянской фацетии XIV-XV вв., английского прэнка XVI в. и российской демократической сатиры XVII в. Он был инициирован французским фаблио и по-видимому, повлиял через польскую словесность на низовые жанры древнерусской литературы [Михайлов А.Д. 1986].

Впоследствии шванк, как и соотносимые с ним формы: загадки, басни и паремии был интегрирован в более крупные произведения и в первую очередь в барочный роман Гриммельсгаузена «Симплиций Симплициссимус». Эта же участь постигла фацетию и фаблио: на основе первой был создан «Декамерон» Боккаччо, а на основе второго - «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле [Пермяков Г.Л. 1988].

История немецких народных книг о шутах открывается «Попом Амисом» (ок. 1230 г.) австрийского поэта, известного под псевдонимом Штриккер. Его книга об Амисе самым явным образом была ориентирована на французские фаблио и имела откровенно импортный, заимствованный характер [Реутин М.Ю. 1996].

Штриккер был одним из крупнейших немецких переводчиков средневековья (в средневековом же значении этого термина). Сам его псевдоним, произведенный от нем. глагола stricken (вязать) указывает на эту основную сторону его творчества. Именно Штриккеру немецкая культура обязана тем, что в сер. XIII в. в ее пределах возник новый жанр, куртуазный роман. Но Штриккер создал и первую народную книгу Германии. Две особенности написанного им сборника анекдотов важны для развития немецкой народной литературы. Во-первых, его связь с индоевропейским фондом мотивов. В «Амисе» мы обнаружим мотивы, как, например, историю об учении осла грамоте, которые в пределах среднеазиатских литератур традиционно связывается с Ходжой Насреддином. В «Амисе» же мы найдем фабулы о мнимом исцелении больных, которых Амис вынуждает к паническому бегству; о картине, видимой лишь рожденным в законном браке; о пожертвованиях, принимаемых только от верных жен (аналоги сюжета о голом короле). Во-вторых, построение

биографического канона и связанной с ней нанизывающей (так наз. кумулятивной) композиции. Отдельные, изначально совершенно самостоятельные анекдоты, были инкорпорированы в сборнике Штриккера в историю жизни главного персонажа. На протяжении XIII - XV вв. это ядро обрастало анонимными шванками и фацетиями, рассказанными от первого лица, от лица самого шута, вспоминающего историю своей жизни. Впоследствии их авторство стало приписываться Нейдгарду. Подобный феномен вымышленного авторства, как известно, весьма характерен для многих культур. Между 1491-1495 гг. устная традиция была записана версификатором и редактором Иоганном Шауром по образцу созданного Штриккером биографического канона [Реутин М.Ю. 1996].

Важную роль в становлении немецкой литературы сыграла книга о Саломоне и Морольфе. Она имела значение в пределах всего западноевропейского культурного ареала. Европа познакомилась с языческим мудрецом Морольфом на заре Раннего средневековья. Морольф вошел в культуру манихейских, а затем и неоманихейских сект как оппонент Соломона в его вероучительных беседах. Затем сакральные беседы были профанированы. Сокровенное сказание инсценировалось карнавальными ряженьми и хмельными завседатаями пивных [Реутин М.Ю. 1996].

Анонимный «Тиль Уленшпигель» обыкновенно датируется началом XVI в. «Уленшпигель» - завершение и апогей культуры раннего шванка и родственной литературы: фацетии, фаблио, анекдота. Изображая жизнь шута от дурацких крестин до идиотских приключений его трупа, цикл развивает штриккеровский канон до абсолютного предела. «Тиль Уленшпигель» является также суммой сюжетов средневекового комического эпоса [Реутин М.Ю. 1996].

На поздний шванк достаточно сильное влияние оказали знаменитые «Фацетии» Поджио Браччолини (1438-1452) - как в плане культуры поэтического слова, которое отныне становятся предметом самой активной рефлексии, так и в плане общей архитектоники произведения [Реутин М.Ю. 1996].

Фацетия – короткий рассказ, похожий на анекдот, нравоучительный, иногда пикантный, направленный против пороков духовенства. [Бебель Г. 1931]

Фацетия является основой интеллектуальной формы и действия шуточного текста. Фацетия является родственной по форме шванку [Kuttner G. 1934].

На смену нанизывающей композиции протоплутовского романа Штриккера, Франкфуртера, Шаура и Хайдена приходит подчеркнуто свободное, мозаическое построение книги воспоминаний о виденном, услышанном, прочитанном, рассказанном людьми. Поздняя народная книга становится явлением массовой литературы: огромные тиражи, с каждым месяцем увеличивающийся список названий, ориентация на приватное прочтение, и главное, отсутствие фольклорной основы, - все это указывает на то, что народная книга как таковая прекратила свое существование [Реутин М.Ю. 1996].

На следующем этапе становления народной культуры и устных традиций персонаж получает примитивную типизацию через пол, возраст и социальный статус. Это уже не черт (Раш) и не козел (Морольф), а мужчина (Поп из Каленберга, Уленшпигель, Лой и т.д.), запечатленный на пике своей жизненной активности (30-40 лет), горожанин: подмастерье, оруженосец, или низший клирик, на протяжении всей жизни не обретший строгой фиксации в социальной структуре. Происходит эмансипация и развитие субъекта, но он все еще прилагается к своему ритуальному действию, об архаичности и подлинном смысле которого даже и не догадывается [Maranda E.K. 1971, p. 23].

На третьей стадии развития фольклорной субкультуры соотношение персонажа и его действия принципиально изменяются. В «Истории Доктора Фауста» И.Шписа и пьесах Г. Сакса осуществляется попытка «интериоризации», мотивации действия

через характеристики персонажа. Скажем, в случае с Фаустом основанием его шутовских поступков является его порочность и связь с нечистой силой. - Следующим шагом, а он уже будет сделан за пределами народной книги средневековья, станет окончательная перестановка местами функции и аргумента, т.ч. субъект и его внутренний мир превратится в причину действия, а действие - в следствие и внешнее проявление субъекта [Мелетинский Е.М. 1990].

Обратимся к сюжету, системе персонажей и жанровым особенностям народной книги. В 46 анекдоте об Уленшпигеле рассказывается об очередной проделке шута. Шут является основным, но единственным действующим лицом немецкого комического эпоса XIII-XVI вв. Обычно шут выступает в паре с плутом или дураком, либо попеременно становится тем или другим. Сам же шут является центральной, медиативной фигурой, снимающей противоречие между плутом и дураком, совмещая в себе в ослабленном виде характеристики того и другого. Плуту и дураку соответствуют свои модификации шванкового поворота. Устроившись в пивоварню подмастерьем, Тиль следит за варкой пива в отсутствие хозяев, ушедших на вечеринку. На определенной стадии варки шут должен бросить в чан дозу хмеля, но вместо этого бросает в кипящий отвар пса Хмеля. Как видим, поворотное событие в этом анекдоте является результатом двойной интерпретации приказа, вернее слова «хмель»: изнутри и извне смысловой системы ремесленного уклада. Сначала однозначное (обычно цеховое жаргонное выражение: «прикинуть» рукава, «волк», обозначающий крестьянскую шубу), слово в процессе повествования становится двузначным; потому Тиль бросает рукава в повешенную на стене шубу, шьет чучело волка и т.д. Подобным образом поворотное событие строится почти во всех немецких шванках, фацетиях и родственной литературе Позднего средневековья [Реутин М.Ю. 1996].

Шванковый поворот имеет сугубо языковую, а точнее, речевую природу и возникает в результате «сбойки», пересечения двух автономных речевых практик. В этом смысле шванк и фацетия является прямым наследником древних словопрений-агонов. Для них также характерно обязательное наличие двух протагонистов (Зимы и Лета, Смерти и Жизни, Матери и Дочери), каждый из которых продуцирует свои интерпретации произвольно выбранных имен и названий. При этом интерпретация Лета/ Жизни /Дочери всегда бывает второй, перекрывающей исходное утверждение о предмете или явлении. Поле: белое (Зима), зеленое (Лето); грабли, вилы, кочерга: чтобы бросать хворост в печь (Зима), чтобы грузить сено на повозки (Лето); гроб: мертвый (Смерть), проросший семенем (Жизнь). В рамках карнавальной аксиологии, т.е. системы ценностей, второе утверждение по своему статусу выше, - как ценнее и выше тот хаос, который оставляет шут каждый раз после своего ухода из мастерской (монастыря, церкви, школы), хотя, кажется, хаос этот сводится исключительно к порче имущества. Однако статус комического хаоса становится в полне очевиден, когда речь заходит о смеховых интерпретациях Свящ. Писания, предлагаемые Морольфом в его споре с Соломоном (ср. изречения Панурга в романе Рабле, Шута в «Короле Лире» и деяния Санчо Пансы на посту губернатора) [Koestler A. 1949, p. 3-110].

Наличие пар протагонистов и пар интерпретаций, - притом, что в каждой паре вторая интерпретация обязательно перекрывает и отменяет первую, - наличие этих признаков характеризует целый ряд жанров, с которыми шванк соседствует в пределах народной книги. Хотя в немецком литературоведении народная книга и называется «Schwanksammlung», т.е. «собранием шванков», ее жанровое амплуа ни в коем случае не сводится только к шванку. Помимо шванков мы обнаружим здесь фацетии, басни, загадки, комические словопрения, разные виды паремий, словарные клише и т.д. Все эти жанры относятся к числу поворотных, пуантированных форм и

имеют диалогическую природу. Кроме названных фольклорных жанров мы обнаружим в народных книгах и гибридные, смешанные образования: шванки-басни, в которых басенная мораль лишь обозначена, а шванк, будучи обычным нарративом, обретает модельное значение; шванки-загадки, в которых реплики двух героев подвергаются инверсии и шутовская интерпретация становится отгадкой; загадки-агоны, только внешне напоминающие ученые диспуты, но в сущности являющиеся комическими словопрениями [Реутин М.Ю. 1996].

Итак, включая в себя целый набор фольклорных форм, народная книга является многожанровым образованием. Она демонстрирует возможность «вертикального» движения мотивов в толще устной культуры, в результате которого каждый мотив существует не в отдельном ее «этаже» - жанре, но пронизывает множеством своих разножанровых воплощений (как фацетия, шванк, басня, паремия, агон, загадка и т.д.) всю устную культуру одновременно и сразу. Но народная книга демонстрирует также и «горизонтальное» движение мотивов внутри одного жанра (напр. фацетии) между разными тематическими блоками, каждый из которых формируется вокруг своего героя-протагониста. Устные традиции складываются, как правило, вокруг реально существовавших и чем-либо примечательных лиц: датского монаха-цистерцианца Иоанна Краузе, одного из безымянных священников из свиты Отто Веселого (1 пол. XIV в.), менестреля и миннезингера Нейдгарда фон Ройенталя, брауншвейгского крестьянина Тиля (сер. XIV в.), силача из гор. Галле Петера Лоя (1415-1496), уроженца гор. Книтлинген и гейдельбергского студента Иоганна Фауста (10-40-е годы XVI в.). Традиции эти через несколько десятков лет получили каноническую фиксацию под пером какого-нибудь редактора, еще в период своего дописьменного существования происходит активный обмен фабульным материалом, т. ч. один и тот же сюжет часто связывается с разными персонажами. Следуя традиции, мотивы группируются по биографическому (нанизывающему) принципу, порождая тем самым причудливую временную конфигурацию народной книги [Реутин М.Ю. 1996].

Время фацетии, как и время смежных с ней форм, - это время карнавального цикла. Пространство в фацетии, как впрочем и в площадном действе, представлено в двух качествах: исходном и конечном, преобразованном, пародированном. Но, если в ритуальных песнях-прениях пространство включает в себя теоретически весь мир, то в фацетии оно задается сегментом этого мира и чаще ограничено интерьером. Действие-посредничество шута связывает исходную и заключительную ситуации анекдота. В народной книге длительное время только заявлено; - оно номинально и лишено всякого содержания, поскольку составляется механически соединенными фацетиями с их ритуальным, циклическим и замкнутым на себя временем. Время существует только внутри каждой фацетии; между концом предыдущего и началом последующего оно не маркировано и потому выпадает. История устной традиции завершается созданием народной книги. - Народная книга стоит между устным фольклором и собственно литературным творчеством, между menti- и artifact. Об этом свидетельствуют формы ее бытования. Народная книга растворялась в устной речи, становясь основой все новых и новых импровизаций [Реутин М.Ю. 1996].

Вывод

Итак, фацетия изначально существовала и развивалась наряду с родственными ей формами: шванком, басней, фаблио, анекдотом, загадкой и др. Фацетия, как и другие родственные формы существовала сначала, в фольклорной традиции, затем была зафиксирована письменно, так же, как и шванк, фацетия XIV – XVвв. растворилась в более крупных эпических произведениях.

К ***перспективам*** исследования относится рассмотрение композиционно- и языково-стилистических характеристик фацетии на основе имеющихся определений и конкретных текстов фацетии.

Литература

Бебель Г. Фацетия. – Лейпциг, 1931. *Мелетинский* Е.М. Историческая поэтика новеллы. - М., 1990. Михайлов А.Д. Старофранцузская городская повесть «фаблио» и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. - М., 1986. *Пермяков* Г.Л. Основы структурной паремиологии. - М., 1988. Он же. От поговорки да сказки. - М., 1970. *Реутин* М.Ю. «Пляска смерти» в Средние века // Arbor mundi. (Мировое древо). - Вып. 8. - М., 2001, С. 9-38. Вюрцбургская «пляска смерти» / Пер. М.Ю.Реутина и Е.В.Родионовой // Arbor mundi. (Мировое древо). - Вып. 8. - М., 2001, С. 74-84. *Реутин* М.Ю. Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. - М., 1996, с. 94-95. *Реутин* М.Ю. Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. - М., 1996, с. 47-48. *Реутин* М.Ю. I («Карнавал») и гл. II («Устная культура средневекового города») книги: Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. - М., 1996. *Koestler* A. The Comic // Insight and Outlook. An Inquiry into the Common Foundations of Science, Art and Social Ethics. - N.Y., 1949. - P. 3-110. *Kuttner* G. Wesen und Formen der Deutschen Schwankliteratur des 16 Jahrhunderts. – Berlin, 1934. *Maranda* E.K., Maranda P. Structural Models in Folklore and Transformational Essays. - The Hague, Paris, 1971. - P.23.

ДЕГТЯРЕНКО В., ЖЕСТКОВ С.
(Запорізький нац. ун-тет)

ПРОФЕСІЙНА МОВА СПОРТУ ТА СПОРТИВНИЙ ЖАРГОН ЯК ДЖЕРЕЛО ПОПОВНЕННЯ СЛОВНИКОВОГО СКЛАДУ СУЧАСНОЇ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ

Спорт справедливо називають „соціокультурним феноменом XX ст.”. В силу свого всеобсяжного, універсального характеру він виступає не тільки як вузькопрофесійна діяльність людини, але й як частина культурного, політичного, економічного життя певної країни і водночас традицій і свідомості народу [Попов Р.В. 2003, с.8]. Для лінгвістів спорт виявляється невичерпним джерелом дослідницького матеріалу (лексикографічний опис спортивної термінології, багатоаспектні дослідження терміносистем різних видів спорту, порівняльні студії спортивних терміносистем різних мов тощо). Ці загальні фактори, а також засади когнітивно-комунікативного підходу до мовних явищ, який полягає у «... концентрації уваги на homo loquens – людині з її системою уявлень, знань і цінностей» [Приходько А.М. 2003, с.11] дозволяють окреслити коло завдань дослідження професійної мови спорту та спортивного жаргону як джерела поповнення словникового складу сучасної німецької мови: 1) проаналізувати лінгвокогнітивні механізми переносу лексичного значення із спортивної сфери в узус носіїв мови; 2) дослідити неосемантизми, що перейшли у мову загального спілкування із термінологічних підсистем різних видів спорту. Треба наголосити, що подібні питання вже турбували дослідників (Чудинов А.П., Артемов Р., Баранов А.Н., Дрьосігер Х.Х. та інші).

Той факт, що сучасна літературна німецька мова (Standartsprache) дедалі частіше підпадає під вплив професійних мов (Fachsprachen), наголошувався вже неодноразово. За підрахунками лінгвістів [Mackensen L. 1991] до основного словникового фонду німецької мови останнім часом потрапили понад 50 000 професіоналізмів. Оскільки ж одним із інтенсивних джерел поповнення лексичного складу є саме професійна мова спорту, то деякі мовознавці говорять навіть про тенденцію до «**спортивизації**» (Versportung) німецької мови сьогодення [Braun P. 1998, S. 252].